

На правах рукописи

Шаипова Амина Мусаевна

**НОВОСТНОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ
В СЕМИОТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ
АСПЕКТАХ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Владикавказ – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

- Научный руководитель** **Тамерьян Татьяна Юльевна**
доктор филологических наук,
профессор
- Официальные оппоненты** **Дзюба Елена Вячеславовна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра
Великого», профессор Высшей школы
международных отношений,
Гуманитарный институт
- Катермина Вероника Викторовна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет», профессор кафедры
английской филологии
- Ведущая организация** ФГАОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет»,
г. Екатеринбург

Защита состоится «04» июня 2025 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 99.2.153.02 при ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» по адресу: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46, конференц-зал ЮНЕСКО.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова» по адресу: 362025, г. Владикавказ, ул. Церетели, 16, и на официальном сайте университета:

https://www.nosu.ru/wp-content/uploads/2025/02/dissertacija_a.m.-shaipova.pdf.

Автореферат разослан «__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Б.В. Кунавин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Неотъемлемой составляющей современной коммуникации является новостной политический нарратив как междисциплинарное направление, развивающееся на стыке политологии, социологии, коммуникативистики, политической лингвистики, социолингвистики и лингвокультурологии. Одной из форм его реализации служит цифровой дискурс как важнейший канал и средство воздействия, влияющий на интерпретацию социально значимых событий и закладывающий паттерны и ориентиры оценки в гражданском обществе. Новостные тексты «формируют информационную картину мира, конструируют образ события, оказывая влияние на индивидуальное восприятие и общественное мнение» [Добросклонская 2016: 13].

Новостное сообщение как наиболее распространенный жанр политического цифрового дискурса рассматривается сквозь призму многомерности и комплексности данного коммуникативного феномена, который не только выполняет функцию передачи информации, но и является одним из наиболее действенных средств эффективного воздействия на массовую аудиторию посредством ценностной интерпретации текущих фактов и событий.

Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровое пространство служит основной площадкой бытования и развертывания социополитических событий, а новостной политический нарратив является мощным инструментом концептуализации, кодирования и трансляции насыщенных потоков информации целевым получателям. Исследование феномена новостного политического нарратива как семиотического поликодового образования с позиции многоаспектного подхода является новым направлением лингвокогнитивных, лингвoseмиотических и лингвополитических изысканий, требующим комплексного описания.

Объектом исследования выступает новостной политический нарратив, реализованный в цифровых массмедиа и других цифровых носителях информации в пространстве российской интернет-коммуникации.

Предмет исследования составляет семиотическая и лингвокогнитивная организация поликодового новостного сообщения в аспекте выявления специфики структуры и содержания нарративного послания.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении герменевтико-интерпретационной прагматики и архитектоники полимодальных репрезентаций семиотических смыслов в российском политическом нарративе и моделировании ключевых компонентов новостной матрицы нарративности.

В качестве основных задач предполагается выявление, декодирование и интерпретация когнитивных моделей поликодовых семиотических

конструктов и раскрытие ряда инструментов и технологий политической семиотики по продуцированию цифровых новостных продуктов. В частности:

1) описание доминантных признаков и структуры политического нарратива как дискурсивного образования;

2) выявление критериальных показателей дифференциации типов политической наррации;

3) обоснование фрактально-рекуррентной архитектоники новостного политического нарратива;

4) разработка и описание матрицы новостного политического нарратива;

5) выявление когнитивных моделей семиотических нарративных комплексов;

6) обоснование механизмов символической и реактивной перформатизации в новостном политическом нарративе;

7) представлении перформативной и перформансной моделей новостного политического нарратива.

Материал исследования представлен широкой палитрой поликодовых текстов из 45 цифровых массмедиа 2022–2025 гг., среди которых новостные агентства и платформы, информационно-аналитические и информационные порталы, электронные газеты, ленты новостей, информационные электронные платформы телерадиокомпаний, информационные платформы государственных и международных служб и организаций, новостные платформы Z-сообществ, а также социальные сети. В общей сложности было отобрано 846 поликодовых фрагментов, наиболее ярко репрезентирующих гибридные модели новостного политического нарратива. Основной массив эмпирического материала относится к 2022-2025 гг., отдельные примеры, релевантные для настоящего исследования, датируются 2011-2021 гг.

Многоаспектный характер поставленных задач обусловил выбор комплекса **методов исследования**: лингвопрагматический и семантико-когнитивный подходы, функционально-прагматический, социокогнитивный подходы, культурно-семиотический метод, методы лингвокогнитивного моделирования, когнитивно-матричного моделирования, семиотического, метафорического, метафтонимического моделирования. В работе были применены общенаучные методы наблюдения, описания, классификации. Отбор эмпирического материала осуществлялся методом стратифицированной выборки. Нарративный, контекстуальный, концептуальный и фрактально-рекуррентный анализ послужили основанием для детализированного описания фактического материала.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области *теории дискурса* (Seidel 1985; ван Дейк 2000; Макаров 2003; Филлипс, Йоргенсен 2004; Шейгал, 2004; Русакова, Максимов 2006; Wodak 2009; Fairclough 2010; Леонтович 2011; Русакова, Курильченко 2019);

теории нарративности (Prince 1982; Lyotard 1984; Fisher 1985; Барт 1987; Лотман 1992; Женетт 1998; Шмид 2003; Bamberg, Andrews 2004; Shenhav 2006; Павлов 2019; Тюпа 2017);

политической нарратологии (Patterson, Kristen 1998; Кириллов 2007; Bamberg, Wipff 2010; Al Raffie 2012; Freeden 2013; Сулина 2014; Чернявская 2014; McLean, Syed 2015; Barthwal-Datta, Krystalli, Shepherd 2022; MacIntyre 2023);

жанра новостного нарратива (van Dijk 1988; Javier 2014; Алгави, Аль-Ханаки 2015; Добросклонская, 2016; Тюпа 2017; Сокрута 2018; Качанов 2020; Алефиренко, Абдельхамид 2022 Bateman 2021);

поликодовой коммуникации (Ейгер, Юхт 1974; Сорокин, Тарасов 1990; Сонин 2005; Holly, Werner 2009; Ворошилова 1913; Рацибурская 2013; Сергеева, Уварова 2014; Тамерьян, Качмазова 2014; Чернявская 2016; Новоспасская 2020; Lazar, Wan 2022; Радбиль, Помазов 2023);

семиотической теории коммуникации (Peirce 1932; *Лотман 1992*; Laclau 1993; Мамардашвили 1997; Мечковская 2004; Selg, 2016; Mingers, Willcocks 2017; Mikhelsaar, 2018; Selg, 2018; Mikhaeil, Baskerville 2019; Selg, Ventsel, 2019; Zappavigna 2019; *Cosenza 2020*; Lazar 2022);

теории культурных кодов (Hall 1959; Birdwhistell 1970; *Топорков 1985*; Johnson 1987; Бюлер 1993; Степанов 1997; Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1998; Маслова 2001; Крейдлин 2004; Гудков, Ковшова 2007; Тамерьян, Дзедаева 2011; Пашкова 2012; Рапай 2015; Савицкий 2016; Бабина 2019; Бабина, Проскурнич 2019);

теории метафоры и политической метафорологии (Fauconnier 1985; Блэк 1990; Лакофф, Джонсон 1990; Кубрякова 1994; Телия 1988; Лакофф, Джонсон 1990; Lakoff 1993; Балли 2001; Kovacs 2002; Tendahl 2009; Чудинов, Будаев, 2020; Tameryan et.al. 2020; Чудинов, Сегал, Будаев 2024);

лингвистической теории фрактальности и рекуррентности (Рикёр 1998; Bell 1999; Irvine, Gal 2000; Титова 2005; Тюпа 2007; Галушко 2014; Петряков 2017; Сафина 2017; Тюпа 2021; Белокопытова, Чале 2020; Дзюба, Рябова 2022);

теории прецедентности (Караулов 1987; Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997; Золян 2023; Радбиль, Рацибурская 2024; Бабина, Шевырева 2024; Кремнева 2015; Тамерьян 2016; Шимко, Борискина 2020; Нахимова 2011, 2018);

теории перформативности (Остин 1962 (1999); Schechner 1977; Bach, Harnish 1979; Searle, Vanderveken 1986; Derrida 1988; Богданов 1990; Brockmeier 2002; Сухих 2004; Золян 2016; Ильин 2016; Крипка 2024).

Гипотеза. В настоящем исследовании мы исходим из предположения о том, что новостной политический нарратив эксплицируется посредством ивентоцентричной когнитивной матрицы – интегративного семиотического комплекса, обладающего перформативным эффектом. Поликодовый арсенал порождения новостного политического нарратива обеспечивает

синергетическую целостность содержания и его реализации по принципу когерентности и аддитивности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политический нарратив как социальная практика и лингвокогнитивный феномен в рамках политического дискурса транслирует идеологию, позиции, убеждения и мнения политических акторов и их объединений, обеспечивает доступность восприятия идей, охватывает широкий спектр актуальных проблем, представляет интересы различных слоев населения, обладает персуазивной силой и аргументативной обоснованностью, влияет на интерпретацию реальности.

2. Критериальными признаками, делимитирующими метанарратив, альтернативный нарратив и контрнарратив, являются следующие: *идеологическая концепция и контрконцепция; стратегическая значимость; социальная значимость; цель построения нарратива; тематика повествования; жанр(ы) повествования; количество повествователей; количество персонажей; количество сюжетных линий; временная соотношенность; структура нарратива.*

3. Антифейковый нарратив представляет собой нарратив, создаваемый для противодействия сфальсифицированным сообщениям, которые как подразделяются функционально и семантически на фактоид и фейк на основе параметра легитимности.

4. Феномен новостного политического нарратива трактуется в контексте когнитивной матрицы полисемантического многомерного образования – интегративного семиотического нарративного комплекса, компоненты которого ивентоцентричны, вариативны, взаимодополнительны, неиерархичны.

5. Матрица новостного политического нарратива манифестируется в виде динамической модели, ядро которой составляет информационное событие, эксплицируемое языками и знаками кодирования в соответствии с когнитивными механизмами обработки информации, транслируемое по каналам коммуникации и распространяемое путем фрактально-рекуррентного взаимодействия через массмедиа, новостные сайты и платформы, средства теле- и радиокommunikации и социальные сети. Полученное поликодовое сообщение проходит этап множественной интерпретации и декодирования в сознании целевой аудитории, запуская процесс перформации (интериоризированный на ментальном уровне, экстериоризированный – на социокоммуникативном).

6. Лингвокогнитивные процессы реализуются посредством разрастания семиотических полей политической наррации за счет межпрецедентных интеракций, кластерных интертекстуальных аллюзий, полидоменных моделей метафоризации и метафтонимизации, символической перформатизации.

7. Семиотическое пространство политического новостного нарратива генерируется за счет поликодовой комбинации вербальных, невербальных и гибридных элементов, включающих политические, военные, дипломатические, технические и социальные термины, специализированные и культурные символы и изображения. Семантические поля кинестетики и соматики потенциально насыщают процессы политических меседжей символическими и образными смыслами.

Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые осуществлено комплексное описание семиотики новостного политического нарратива как сложного когнитивно-дискурсивного явления и лингвокультурного феномена с опорой на интеграцию методологических подходов и семиотических концепций. Впервые разработаны критерии анализа разновидностей нарративного политического дискурса, описан фрактально-рекуррентный алгоритм его порождения. Введено понятие антифейкового нарратива. Структурирована матрица новостного политического нарратива как поликодового и полимодального образования. Установлена дивергентность иллюкативных целей одного и того же семиотически заряженного сообщения, адресованного разным аудиториям, и дуративная вариативность их перцепции и интерпретации. Впервые когнитивные модели и семиотико-метафорические механизмы новостного политического нарратива описаны на основе группы хремотонимов, номинирующих российское вооружение.

Теоретическая значимость работы заключается в системном анализе концептуального аппарата теории политического нарратива. Смоделирована матричная структура новостного политического нарратива. Расширены понятия фрактальности и перформативности применительно к данному жанру. Установлена сложная семиотическая организация поликодовых вербально-визуальных сообщений. Применен герменевтико-интерпретационный анализ прагмалингвистики политической коммуникации в фокусе семиотико-культурологического, семиотико-фрактального и социоконтекстуального взглядов на информационное событие. Исследование вносит вклад в дальнейшее развитие лингвосемиотики, политической лингвистики, социолингвистики, нарратологии, дискурсивной лингвистики, теории коммуникации, медиадискурса, прагмалингвистики, а также лингвокультурологии.

Практическая значимость работы определяется прикладным характером результатов исследования и заключается в возможности их использования в вузовских курсах и семинарах по теории языка, политической дискурсологии, социолингвистики, цифровым коммуникациям, поликодовой коммуникации, языку средств массовой информации и политической коммуникации. Основные выводы исследования служат в качестве практических рекомендаций для журналистов, корреспондентов, блогеров,

политтехнологов и специалистов в сфере коммуникации в аспекте реализации и анализа семиотически осложненного дискурса.

Достоверность результатов исследования обеспечивается логическим следованием концепциям, признанным в когнитивной лингвистике, прагмалингвистике, лингвокультурологии и коммуникативистике, аргументированными положениями, вынесенными на защиту, репрезентативностью и значимостью эмпирического материала, использованием лингвистических и междисциплинарных методов методов анализа, обобщением полученных результатов по основным аспектам исследования.

Апробация теоретических положений и результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационной работы докладывались на заседаниях кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова и на кафедре английского языка № 6 Московского государственного института международных отношений, на международных научных конференциях (Симферополь 2022; Тамбов 2023; Астрахань 2024; Москва 2024) и на межвузовской научно-практической конференции (Москва 2024). Всего по теме диссертации издано 10 работ, 6 из которых опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Объём и структура работы. Структура работы обусловлена логикой исследования и последовательностью решения поставленных задач. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников материала, а также списка словарей и справочников (всего 282 наименования).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит обоснование актуальности исследования, формулировку его объекта, предмета, цели и задач, гипотезы исследования, положений, выносимых на защиту, а также описание научной новизны, теоретической и практической значимости работы.

Первая глава «Политический нарратив: теоретико-аналитические подходы к описанию» посвящена исследованию влияний нарративного поворота в гуманитарном знании на становление и развитие теории нарративности применительно к различным типам дискурса. В рамках нарративной парадигмы производится критический обзор литературы по теме исследования, описывается сущность феномена нарративности и его архитектоника; рассматриваются направления развития политического нарратива и его структурные особенности, обосновываются признаковые

характеристики разновидностей политических нарративов; осуществляется анализ понятия метанарратива в системе гуманитарных теорий, приводится структура идеологического поля метанарратива, описывается ценность как базовая оставляющая метанарратива; характеризуется роль и функции контрнарратива и альтернативного нарратива в рамках теории политического дискурса.

Нарративный подход используется в гуманитарных и политических науках в качестве актуального инструмента, применяемого в политической деятельности для формирования мировоззрения у различных социальных групп, для описания того, как повествование может создавать факты и влиять на интерпретацию реальности, трансформировать восприятие событий и вымысла, обуславливать установление иерархии ценностей, вызывать патриотический пафос под воздействием персуазивного эффекта.

Политический нарратив – это история, которая формирует общественное мнение и влияет на восприятие людьми политиков и политических проблем. Политические нарративы могут быть основаны на реальных событиях или полностью сфабрикованы. В любом случае они призваны апеллировать к эмоциям и ценностям получателей информации.

При рассмотрении феномена нарративности мы исходим из трактовки нарратива как вида дискурса, репрезентирующего систему взаимосвязанных и последовательно организованных историй, направленных на создание смысла посредством конструирования социальных реалий и установления позиций субъектов в системе значений в рамках сюжета и фабулы [Halverson, Corman, Goodall 2015].

Наррация представлена в исследовании в узком и широком смыслах:

1. Политические нарративы применяются как метод, теоретико-аналитический подход к описанию социально-политических реалий и коммуникативных явлений.

2. Политические нарративы применяются как стратегия, то есть намеренное использование повествования для достижения конкретных целей.

3. Политические нарративы применяются как формат для влияния на ментальность людей и формирование общественного мнения.

4. Нарративы в политических и повседневных контекстах служат универсальными способами передачи политических взглядов, предлагают различные точки зрения на практику и онтологию (метанарративы, альтернативные нарративы и контрнарративы).

Установлена роль метанарратива эпохи постпостмодерна в системе социально-гуманитарных наук как средства транслирования гуманистической идеологии, национальной ментальности и формирования идентичности. Метанарратив рассматривается как публичный миф, отражающий базовые социальные представления и официальные версии прошлого, настоящего или

будущего, символы, образы, значения и паттерны, которые в ходе социализации становятся мировоззренческой скрепой общества.

Полезность, повсеместное распространение, невидимость, обязательность, жесткость отмечены в качестве существенных характеристик метанарратива.

Метанарратив транслирует этические рамки, которые функционируют как готовые шаблоны убеждений, поведения, и как схемы. Его ингерентными свойствами являются: отражение культуры, выражение позиции власти и рестриктирование выбора действий.

Структура идеологического поля метанарратива формируется кластерами ядерных, смежных и периферийных концептов гибкой структуры, обладающих синхронной и диахронной перспективой.

Нами рассмотрены теории контрнарратива и выдвинуты авторские критериальные признаки дифференциации контрнарратива и альтернативного нарратива.

Контрнарратив представляет собой конструктор, аксиогенность которого полиинтерпретируема и обусловлена позицией акторов по отношению к политическим процессам. Нарратив квалифицируется как доминирующий, альтернативный или оппозитивный в зависимости от политического, социального и культурного контекстов, хронотопа, этнической идентификации, типа интеракции его продуцентов с действующей властью, а также концептуально и интертекстуально обусловлена.

Контрнарративы как жесткая сила (*hard power*) подразделяются на 1) оппозитивные идеологические повествования стратегического характера и 2) антирадикальные повествования тактического характера. Контрнарративы первого типа направлены на деструкцию нарративов стратегического характера, на разрушение иерархии и системы, на демистификацию власти, отрицание социальных нормы и социальных институтов. Вторая группа нарративов призвана противодействовать экстремистской идеологии и пропаганде и делегитимизировать ее.

Альтернативные повествования, оказывая эффект мягкой силой (*soft power*), позволяют говорить и слышать «другую правду», видеть одни и те же факты, события под разными углами зрения, переосмысливают концепции главного нарратива, видоизменяя и дополняя, но не отвергая их.

Введено понятие *антифейкового нарратива* как нарратива, создаваемого для противодействия сфальсифицированным сообщениям, предупреждающего от последствий доверия непроверенным повествованиям, а также дающего инструкции по распознаванию фейковых медийных продуктов, тиражируемых в информационном пространстве.

Предложен критерий легитимности как основной параметр для дифференциации функционально и содержательно схожих явлений фактоида и

фейка. Критериальными признаками, делимитирующими метанарратив, альтернативный нарратив и контрнарратив являются следующие: *идеологическая концепция и контрконцепция; стратегическая значимость; социальная значимость; цель построения нарратива; тематика повествования; жанр(ы) повествования; количество повествователей; количество персонажей; количество сюжетных линий; временная соотношенность; структура нарратива.*

Во **второй главе** «Матрица семиозиса в новостном политическом нарративе» описывается семиотико-метафорическое пространство новостного политического нарратива в аспекте выявления культурных и политических изолятов как маркеров смыслопорождения, устанавливается специфика реализации перформатива и перформанса, обосновывается фрактально-рекуррентная структура новостного политического нарратива.

Исследование синергии вербального и невербального телесных кодов (жесты, мимика, позы и пр.) как совокупности нескольких знаковых подсистем при построении метафорико-семиотического фрагмента политической картины мира позволило сформулировать ряд закономерностей.

Подтверждена примарность кинестетических знаков по отношению к их фиксации средствами естественного языка. В пределах одной культуры между единицами вербальной и невербальной знаковых систем наблюдается исходная семантическая близость и функциональная идентичность прагматики. репрезентации кинем и киноморфов как единиц семиотического кода. Межкультурные аналоги демонстрируют частичное совпадение семиотики репрезентаций, описывающих тело и его функционирование в различных протоколно-ритуальных ситуациях. Конвенциональные и прагматические характеристики изолятов как единиц акционально-кинестетических кодов в разных лингвокультурах также не демонстрируют полного совпадения базовых прототипических признаков.

Установлено, что символизация определенных частей тела и связанных с ними движений, поз и жестов, восходящая к архаичным представлениям и эксплицированная на современную реальность, легла в основу образования связанных и свободных словосочетаний разнооценочных коннотаций.

Так, например, привычка *класть ноги на стол* у американцев связывается с временами Дикого Запада, когда ковбоям, находившимся длительное время в седле, необходимо было разгрузить ноги, нормализовать кровоток в нижних конечностях и, кроме того, это была возможность продемонстрировать свой статус, похвалиться дорогими сапогами. Нравы Нового Света, не отличавшегося излишним морализаторством, сохранились в конвенциональном поведении американцев.

Стол в русской традиции связан с обрядовыми действиями, он имеет сакральный статус. В народной традиции *стол* уподоблялся церковному

престолу, считался ладонью Божьей, дающей хлеб, рукой Богоматери, протянутой людям. *Стол* – это центр семейного очага, ритуализированное место семейной трапезы, сопровождающееся молитвой и благодарностью Господу. Итогом вышеприведенного культурологического экскурса становится вывод о том, что *стол* для русских представляет объект и локус, концентрирующий духовные ценности, отраженные в ритуальном поведении. Поэтому закономерно появление поговорки *посади свинью за стол, она и ноги на стол*, которая передает нарушение норм поведения, низкий уровень воспитания, и кроме того, проявляет человека, злоупотребляющего чужим благорасположением, поступающего исключительно в корыстных целях.

В то время как в американском кинестетическом коде *ноги на столе* не являются прагматически маркированной фраземой, поскольку стол в американской ментальности и системе ценностей не рассматривается в качестве особого локуса. Такого рода культурные расхождения при несоблюдении дипломатического этикета американской стороной неоднократно вызывали международные скандалы. Так, например, экс-президент США Барак Обама был неоднократно запечатлён с запрокинутыми на стол ногами: *В последнее время США отказались от традиционной формы поведения во внешней политике и положили ноги на мировой стол* (https://www.gazeta.ru/politics/2019/12/31_a_12893198.shtml).

В метафорико-семиотическом комплексе *США положили ноги на мировой стол* на основе двойного олицетворения как частного случая метафоры по модели «*ноги* → *человек* → *США*» формируется субъект действия, предикатом которого является фразема *положили ноги на стол*. Метафорическое высказывание разнополярной оценочности, конкретизирующее образное определение *мировой*, демонстрирует масштаб и сферу оскорбляющего другие страны поведения, ассоциирующегося для США с авторитарностью, которую они проявляют, приписав себе роль абсолютного мирового лидера.

В ходе Петербургского международного экономического форума Президент РФ ответил на вопрос модератора дискуссии Мегин Келли об отношениях России и США следующим образом: *С ногами забрались в нашу внутреннюю политику, на голову нам сели, ноги свесили и жвачку жуют. Развлекаются просто. Это систематическое на протяжении многих лет грубое, абсолютно бесцеремонное, в том числе на уровне дипломатических ведомств, вмешательство прямо в нашу внутреннюю политику* (<https://www.business-gazeta.ru/news/347709>).

Кинестетическая семиотика фраземы *забраться с ногами куда-либо* основана на акциональной метафоре, которая означает нарушение этикета в общественном месте. Образный оборот *сесть на голову* отсылает нас также к культурному коду соматизма *голова*, связанному с управлением телом,

деятельностью, поступками индивида. Таким образом, «*сесть на голову*» и при этом «*свесить ноги*», устроившись поудобнее, означает выражает намерение США заставить мировое сообщество, в том числе и Россию, осуществлять американские политические цели и удовлетворять амбициям глобального доминирования. Завершает сложный образ жевание жвачки как символ хамства, бескультурного поведения и вседозволенности.

Внешний синтаксис физически и/или метафорико-символически представленных жестов выстраивается как цепочка кинестетических фразем, создающих картину происходящего из нескольких кадров, анимированный образ. Элементы кинестетического кода могут представлять собой лексикографически зафиксированные фразеологизмы или свободные языковые единицы, применяемыми для вербальной иллюстрации семиотически выделенных действий. Распаковка смысла сложных знаковых образований в политическом дискурсе осуществляется не только с опорой на комплекс лингвистических процедур, но также требует подхода с социокультурных, психологических и идеологических позиций. Установлено, что одно и то же семиотически заряженное сообщение, адресуясь разным аудиториям с дивергентными иллюкутивными намерениями, предполагает различный перформативный эффект.

Вторая половина XX века ознаменовалась не только нарративным, но и перформативным поворотом в культуре и обществе, которое характеризуется как «общество спектакля» (Debord, 2001) или «перформативное общество» (Kershaw, 2003).

Понятие перформанса в широкой трактовке определяется как вид деятельности, характеризующийся событийностью. Тенденция к размыванию границ перформативности обусловлена ее толкованием как процесса осуществления любого политического или социокультурного акта, оказывающего воздействие, как перформативного. Такое понимание применимо ко многим практикам в социуме.

Политические перформансы соответствуют современному контексту коммуникации. Перформанс рассматривается как процессуальный коммуникативный акт, который посредством вербальных и невербальных форм общения оказывает усиленное воздействие на социум по всем каналам.

Рукопожатие как символ согласия и мирных намерений уходит корнями в древнюю историю, когда раскрытая ладонь руки свидетельствовала об отсутствии оружия и агрессивности намерения во время переговоров. Профайлеры с интересом комментируют манеру приветствия Дональда Трампа, выискивая в ней особые знаки расклада мировой политики. К странностям относят панибратские похлопывания по плечу, захват, перетягивание и удержание руки оппонента обеими руками (<https://www.kp.ru/daily/26684/3708659/>). В рамках Саммита G 20 в Японии в

2019 Д. Трамп, как обычно, попытался провести стратегии доминирования посредством тактики перформанса, с силой перетягивая руку Владимира Путина во время протокольного рукопожатия буквально до соприкосновения со своим телом, что демонстрируется на рис. 1. Однако В. Путин, не позволяя сохранить позу перевеса и преобладания, перевел рукопожатие в сторону паритетного равновесия (рис. 2).

Иллюзия беспомощности от болезней и почтенного возраста умело поддерживалась Джо Байденом для реализации собственных целей и задач во внутренней и международной политике, и даже во избежание судебной ответственности. В течение длительного периода аудитория не считывала подтекста такого перевоплощения. Только тогда, когда Байден сбросил за ненадобностью маску недееспособного старика, аналитики прокомментировали, *что он ловко вышел сухим из воды, умея выкручиваться каждый раз*, когда ему грозила опасность, намеревались объявить импичмент или предъявить обвинение в неправильном обращении с секретными документами, но данные действия не были предприняты, поскольку «когнитивно неполноценный человек» не способен предстать перед судом: ***Действующий президент США Джо Байден мог намеренно изображать симптомы деменции во время своих публичных выступлений для достижения секретной политической цели. Сторонники этой теории полагают, что Байден в последние годы специально разыгрывал публику, чтобы спасти США. По их мнению, американский президент специально создал образ человека с проблемами со здоровьем, чтобы «убрать» Харрис из политической игры*** (<https://aif.ru/politics/world/v-seti-predpolozhili-chto-bayden-mog-namerenno-izobrazhat-simptomu-demencii>);

Рис. 1. Дональд Трамп демонстрирует доминирование (<https://www.rbc.ru/politics/10/11/2024/67310d5f9a7947842b280573>).

Рис. 2. Владимир Путин восстанавливает паритет (<https://www.rbc.ru/politics/10/11/2024/67310d5f9a7947842b280573>).

Перформативность является имманентной характеристикой потенциальной и реактивной акционарности, присущей коммуникативным и социокультурным практикам, что сближает перформатив с перформансом. Границы перформативного акта, перформанса и реактивного перформатива размыты. Перформативная семантика реализуется в коммуникативно-прагматическом аспекте в процессе интеракции референтных, лингвокогнитивных, социокультурных и политических факторов, актуализирующихся контекстуально.

Кинесика и мимесика в перформативных актах политической коммуникации не только повышает индекс перформативизации за счет усиления коммуникативно-прагматического эффекта, но и выводит кинетически реализуемое высказывание на уровень символического перформативного акта.

Значения перформативных актов и перформансных акций устанавливаются в зависимости от типа аудитории, интенции отправителя и контекста декодирования. Выявлена двухвекторная интенция перформативно-перформансных сообщений. Гибридные перформативно-перформансные сообщения интерпретируются с учетом каналов передачи информации и способов символизации. Наличие ложных символических перформативов обусловлено псевдоозначиванием кинестетических актов.

Прецедентный статус символических перформативов обусловлен повторяемостью однотипной ситуации или рекуррентностью обращения к ней в медиакommunikации.

Наиболее частотными видами перформативно-перформансных актов являются: коммуникативные акты дискредитации, хумилиации, дисресpekта, инвективы, инграции, паритета.

Эффективными механизмами перформатизации и перформанса на основе герменевтико-дискурсивного анализа признаются следующие когнитивные модели:

1) «кинестетический / протокольный акт → символическая перформатизация»;

2) «кинестетический / протокольный акт → псевдосимволическая перформатизация»;

3) «кинестетический / протокольный акт → символическая перформатизация → перформанс»;

4) «кинестетический / протокольный акт → символическая перформатизация+ перформанс»;

5) «кинестетический / протокольный акт → символическая перформатизация+ перформанс → реактивная перформатизация»;

6) «перформанс → реактивная перформатизация».

Новостные семиотические комплексы, характеризующиеся синергетической целостностью содержания и выражения, формируются по

принципу когерентности и аддитивности. Поликодовые сообщения обладают перформативным потенциалом (имплицитным или эксплицитным), оказывают причинно-следственный перформативный эффект, перспективируют перформативное расширение.

Фрактальный принцип построения поликодового сообщения реализуется на основе алгоритма самопорождения, реконцептуализации и варьирования смысловых и структурных отображений реальности.

На материале представления в цифровых медиа и социальных сетях семиотического комплекса *Рука Москвы / Кремля* описаны лингвокогнитивные механизмы образования синкретических конструкторов посредством поликодности, транскодовости, концептуализации, гиперметафоризации, метафтонимического блендирования, полиноминативности и символизации.

В качестве компонентов соматических метафор и фразеологизмов названия частей тела соотносятся с традиционными функциями и символическими значениями. В процессе семиотизации тела в различных культурах соматическим единицам приписываются не только универсальные, но и этноориентированные значения. Так, мануальная соматика в цифровых медиа передаёт значения, связанные, в первую очередь, с функциями, выполняемыми рукой, на основе которых сформировались переносные значения «власть, сила, могущество». В российских политических мемах правая рука знаменует мощь, олицетворяет верховную власть и контроль.

Стремление американских наблюдателей за любыми политическими процессами в мире усматривать *руку Москвы* принимает obsессивный характер: *Либеральная идеология изменилась до неузнаваемости. Об этом президент России Владимир Путин заявил в ходе пленарной сессии клуба «Валдай» и порассуждал о причастности «руки Кремля» к мировым событиям... «Что из России не исходит – это все происки Кремля. Ну, на себя-то посмотрите. Неужели мы такие всемогущие? Любая критика в адрес наших оппонентов воспринимается как «происки Кремля», «рука Кремля» ...* (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695>).

В реферируемой главе описаны виды фрактальных моделей синкретических текстов, редуцирующих элементы первичного сообщения, продемонстрирована процедура их декодирования и интерпретации. Представлена линейная зеркальная модель вербального фрактала и установлены рамочные элементы ее границы.

На официальном канале информационно-аналитического портала «*Рука Кремля*» размещены вербальные, визуальные и визуально-вербальные логотипы. Сообщество «*Рука Кремля*» позиционирует себя как команду независимых авторов, работающих во благо России. Они не принадлежат ни к одной партии или финансово-промышленной группе, они стоят на страже государственных интересов и отражают свое видение событий. Более того,

представители данного сообщества называют себя *Ватниками* (<https://tiraspol-news.ru/society/2023/04/08/45097.html>).

Рис. 3. Рука Кремля. Это она, рука Кремля (<https://dzen.ru/a/X3IMgLqRdky15eNu>).

Логотип платформы «*Рука Кремля*» – «**VruРука КремляruZ**» (<https://tigrm.ru/channels/@thehandofthekremlin>) – представляет собой вербально-графическую конструкцию, построенную по схеме линейного зеркального фрактала. Рамочная структура «**Vru.....ruZ**» фиксируется конечными элементами **V** и **Z**, выполняющими функцию маркёров политической направленности сайта. Путем слоговой редупликации **ru.....ru** формируется внутренняя граница конструкции, где **ru** обозначает национальный домен верхнего уровня для России. Интенсификация патриотического контента осуществляется за счет удвоения семантики **ru** (от англ. Russia) и повтора слога **ру-**, написанного кириллицей в графически примыкающем слове **Рука**.

Рис. 4. Информационно-аналитический портал «Рука Кремля» (<https://tigrm.ru/channels/@thehandofthekremlin>).

Один из визуальных логотипов сайта сочетает графику символа **Z**, организующего смысловую фон коллажа, – «**Za** наших», и жестовую символику **V** – «Победа», «За победу» / «**Za** победу». Заимствованное слово *виктория* в значении «победа», от латинского *Victoria* «богиня победы», имело хождение в русском языке XVIII века. На жестовом коде победу символизируют указательный и средний пальцы руки, направленные вверх в форме латинской буквы **V**. Указательный палец на логотипе изображен в форме Кремлевской башни, окрашенной в цвета российского флага. На запястье надпись: «Рука Кремля».

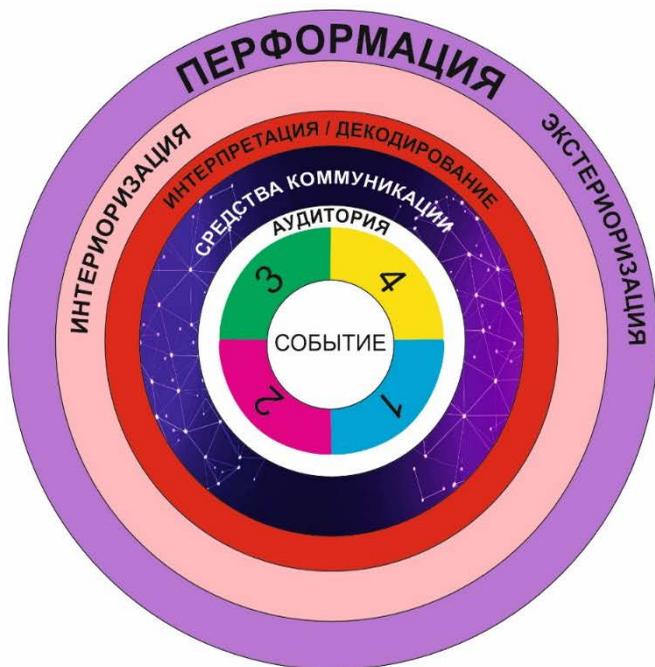
Гиперметафора фрактальной структуры может быть репрезентирована на основе формулы нелинейной зависимости между семиотическим продуктом и элементами фрактала: $FGM = Aver.\{a+b+c+d+\dots(n)\} + Bvis.\{1+2+3+4+\dots(n)\}$, где **FGM** – фрактальная гиперметафора, **Aver.**– пространство вербальных экспликаций, $a+b+c+d+\dots(n)$ – источники вербальных экспликаций, **Bvis.**– пространство невербальных экспликаций, $1+2+3+4+\dots(n)$ – источники невербальных экспликаций.

Результаты предпринятого анализа обобщены нами в виде схемы, наглядно демонстрирующей коммуникативное пространство новостного политического нарратива (рис. 4).

Матрица новостного политического нарратива представлена в виде схемы, демонстрирующей коммуникативное пространство новостного политического нарратива, которое структурируется вокруг его центра – информационного события.

Матрица новостного политического нарратива может быть представлена в виде схемы, демонстрирующей коммуникативное пространство новостного политического нарратива, которое структурируется вокруг его центра – информационного события.

Информационное событие эксплицируется языками кодирования (вербальным, изобразительным, колористическим, графическим, буквенным, кинестетическим, акциональным, идеологическим, мифологическим, соматическим и др.) + знаками кодирования (иконическим, индексным, символическим, гибридным) + когнитивными механизмами кодирования (образом, метафорой, метонимией, прецедентом, вторичной номинацией, концептом, стереотипом, сценарием, фреймом, схемой, перформативом) → транслируется по каналам коммуникации (визуальному, вербальному, аудиальному) → распространяется путем рекурсивно-фрактального взаимодействия в цифровых медиа и социальных сетях → достигает получателя (целевую аудиторию) → подвергается множественной интерпретации и декодированию → запускает перформацию (интериоризацию на ментальном уровне, экстериоризацию – на социокоммуникативном).

1

ЯЗЫКИ КОДИРОВАНИЯ

- вербальный
- изобразительный
- колористический
- графический
- буквенный
- кинестический
- акциональный
- идеологический
- мифологический
- культурный
- соматический

2

ЗНАКИ КОДИРОВАНИЯ

- иконический
- индексный
- символический

3

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОДИРОВАНИЯ

- образ
- метафора
- метонимия
- прецедент
- вторичная номинация
- концепт
- стереотип
- сценарий
- фрейм
- схема
- перформатив

4

КАНАЛЫ КОММУНИКАЦИИ

- визуальный
- вербальный
- аудиальный

Рис. 5. Матрица новостного политического нарратива.

Интерпретация новостного сообщения реципиентом осуществляется в соответствии с усвоенными кодовыми и знаковыми системами, традициями, обычаями и стереотипами, политическими идеологиями и общественными позициями и текущим контекстом. В данном аспекте перформация трактуется как деятельностная реакция на политико-информационное сообщение, реализуемая в ментальном плане как интериоризация – восприятие, осознание, оценка и эмоционально-психологическая перцепция полученной информации, и в социальном плане как экстериоризация, манифестирующая деятельностную проявленность – осуществление социально-коммуникативной практики. Таким образом, персуазивный эффект новостного политического нарратива каузирует социальную рефлексию, критический анализ и продуктивное осознание ценностной позиции, регулируя и обуславливая, в конечном итоге, речедействие или кинестетические акции в качестве реактивного перформатива.

В третьей главе «**Семиотика хрематонимов в новостном политическом нарративе**» на примере актуального тематического сектора онимов российского вооружения представлено детализированное описание лингвосемиотических процессов, происходящих в новостных интернет-изданиях и социальных сетях, придерживающихся гражданской позиции и разделяющих Z-ценности, а также транслирующих оценки официальных представителей запада. Концепты видов вооружений номинированы хрематонимами «Герань», «Бал», «Тополь», «Тишина», «Буря», «Буратино», «Чебурашка» и «Периметр» и, кроме того, также рядом синонимических и ложных онимов.

Рис. 6. ГЕРАНЬ 2022

(<https://ok.ru/group53666832253080/topic/154945475128728>).

Поликодовость новостных сообщений закономерно повлекла применение разностилевых элементов и синкретику жанровой реализации политического нарратива: новости в режиме реального времени,

информационно-аналитические сообщения, интервью, комментарии, обзоры, мемы, демотиваторы, коллажи, плакаты, индивидуально-авторский сетевой контент и контент социальных групп, самостоятельные литературные порталы, презентующие интерпретацию текущих событий. Цитируемые фрагменты новостных политических нарративов манифестируют механизмы лингвокреативности и источники творческих переосмыслений технических характеристик и стратегической значимости российских военных комплексов и систем посредством их поликодовой экспликации.

Представлен когнитивный механизм взаимодействия метафоры и метонимии как бленда в рамках метафоры: используется понятие реметонимизирующей метафоры как категории семантического расширения, при котором метонимия и метафора делимитируются конвенционально за счет их первичной связи с референтом

Определены основные направления и тенденции развития межпрецедентных интеракций, векторы углубления существующих доменов интертекстуальности, описаны актуальные образцы лингвокреативной деятельности по созданию прецедентных ресурсов и продемонстрировано прорастание новых семантических ячеек памяти и дуг связей между ними в русскоязычном семиотическом пространстве новостного политического нарратива.

Установлено, что концептуализация новых прецедентных имен эксплицируется синонимическими репрезентациями, модифицированными моделями встраивания в сферу русской фразеологии, высокой частотностью появления в заголовочной позиции (что обеспечивает эффект наибольшего воздействия), кластерными интертекстуальными аллюзиями, импульсным порождением новых художественных текстов, включением в гибридные интернет-жанры медийного и сетевого дискурсов.

Лексическая субституция в маледиктивном метафорическом паттерне акцентирует неотвратимое последствие применения дрона – **«проклятие Герани»**. В качестве варианта прецедентного названия зафиксировано **«проклятие ВСУ»**:

Беспилотники сложно отслеживать и сбивать. Теперь Украина готова получить в качестве военной помощи любые системы ПВО, однако «проклятие Герани» никуда не денется» (<https://sm.news/voennyj-ekspert-shurygin-rasskazal-o-proklyatii-gerani-71503-u3t5/>). Использование широко распространенного шаблона для названий литературных и кинематографических произведений в жанре хоррора (англ. *horror* «ужас, страх») – **«Проклятие кого-то / чего-то»** – задействовано в вышеприведенном отрывке.

«Герань», летящая на крыльях ночи» (<https://rodinananeve.ru/geran-letyashhaya-na-krylyah-nochi/>): так назван новостной нарратив о том, что

противовоздушная оборона Украины не справилась с нагрузкой, в то время как российские беспилотники достигли стратегических целей. Заголовок послужил мрачной аллюзией на «Чёрный Плащ», американский мультсериал, созданный компанией Уолта Диснея (Darkwing Duck «Тёмнокрылая утка»), главный герой которого – нелепый Чёрный Плащ, он же Кряк Лапчатый, говорит: **«Я ужас, летящий на крыльях ночи! // Я бомба, обрушившаяся на ваши головы!!! // Я десница судьбы! // Я страх, трепещущий в ночи!»**.

Языковая игра с номинациями российского оружия в прецедентных высказываниях служит одним из наиболее действенных способов привлечения внимания аудитории к тексту новостного нарратива. Так, обозреватель еженедельника «Звезда» Александр Хохлов сообщение об усилении российских войск береговой обороны современными системами «Бал» и «Бастсион» озаглавил: **«Бастсион» там правит «Бал»: никакой враг не сможет подобраться к берегам России»** (<https://tvzvezda.ru/news/201806211154-byo3.htm>). Таким образом, ракетные комплексы «Бастсион» и «Бал» обеспечивают надёжную защиту с берега обширных акваторий от надводных корабельных сил предполагаемого агрессора, что акцентируется трансформированной строкой **«Сатана там правит бал!»** в куплетах Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст».

Ведущие признаки функциональной прагматики хрематонимов включают апелляцию к новым реалиям и к эмотивной сфере коммуникантов. Прецедентные онимы используются как, а) средство убеждения (персуазивная функция) и б) способ демонстрации социальной значимости происходящего; в) выступают как маркёры разделяемых ценностей и гражданской позиции; г) дифференцируют «своих» и «чужих»; д) выполняют эвфемистическую функцию в профессиональной коммуникации. Людическая функция хрематонимов реализуется посредством их включения в общекультурное интертекстуальное пространство, прежде всего путем встраивания в прецедентное поле литературных произведений, «оживляя» известных литературных персонажей и порождая новые ассоциации. Так в новостном политическом нарративе обыгрываются тяжелые огнемётные система **«Буратино»** и **«Чебурашка»**: **«А теперь вспомните милую песенку из советского фильма, особенно строчки «он очень скоро будет тут, скажите, как его зовут». Не правда ли, они заиграли новыми красками?»** (<https://aif.ru/society/army/38086>); **«“Чебурашка”, несмотря на мультяшное название, действительно, очень грозное оружие. По сути, они являются тяжелыми огнемётными системами»** (<https://rg.ru/2022/08/21/armiia-dnr-poluchila-tiazhelye-ognemetnye-sistemy-cheburashka.html>).

Когнитивными инструментами реализации российских комплексов и систем вооружения **«Герань»**, **«Бал»**, **«Тополь»**, **«Тишина»**, **«Буря»**, **«Буратино»** и **«Чебурашка»** в новостном политическом нарративе, посредством которых в цифровом медийном пространстве осуществляется осмысление внутри- и

внешнеполитических событий, служат генетическая, флористическая, орнитологическая, механистическая, территориальная, резиденциальная, морбиальная, мортальная, маледиктивная и inferнальная метафоры и семантико-метафорические образования на их основе.

С опорой на культурно-семиотический подход к анализу интернет-СМИ и социальных сетей применительно к реализации в российском новостном нарративе концепта *«Периметр»* в аспекте когнитивной метафоризации и метафтонимизации были интерпретированы вербальные и синкретичные текстовые фрагменты, созданные на основе мультимодальных семиотических регистров, и манифестирована полиинтерпретативность символических образов.

Когнитивный механизм взаимодействия метафоры и метонимии в рамках мортальной модели манифестирован четырьмя доменами-донорами: *«мифологический образ Смерти»*, *«смерть как прекращение всех биологических процессов в организме»*, *«атрибутика похорон»* и *«фрагмент мертвого тела – рука»*.

Выявлено, что российская система массированного ядерного удара *«Периметр»* семиотизируется гиперметафорами *апокалипсиса* и *Армагеддона*, включающими образы *смерти* (мортальная метафора), *Судного дня*, *Страшного суда* (религиозная метафора), *возмездия* (ретрибутивная метафора) и *мести* (вендеттивная метафора). Семиотический комплекс *«Мертвая рука»* репрезентирован на основе иконических знаков (метафорических, метафтонимических и визуальных образов смерти), знаков-индексов (рисунков-схем и пиктограммы запуска ядерной системы и вооружения) и символов ядерной катастрофы.

Соматико-мифологический метафтоним *«Мертвая рука»* (*«Периметр»*) в западной интерпретации, эксплуатируя универсальную символику и функциональность *руки*, продуцирует картину гибели цивилизации после нанесения ядерного удара: *Система гарантированного ядерного возмездия «Периметр», или «Dead hand» — «Мёртвая Рука», как её называют в США, или «Рука из гроба» в Японии — это система управления ракетными войсками стратегического назначения* (<https://x-true.info/81455-mertvaja-ruka-pochemu-v-ssha-tak-nazvali-russkuju-sistemu-perimetr.html>).

Инструментально-религиозная метафорическая модель *«“Периметр” – машина (оружие / торпеда / сеть спутников) Судного дня»* манифестирует способы и охват распространения удара. Протекционистская метафора *«“Периметр” – ядерный щит России»* раскрывает политические цели, требующие наличия данного комплекса на вооружении у России.

В **заключении** обобщены результаты исследования и приведены его перспективы.

Проведенное исследование было нацелено на герменевтический анализ поликодово репрезентированных семиотических смыслов в российском новостном политическом нарративе в аспекте осуществления культурно-семиотических, фрактально-рекуррентных, семантико-когнитивных, концептуальных и прагмалингвистических процедур.

В качестве основных задач предполагалось выявление, декодирование и интерпретация когнитивных моделей поликодовых семиотических конструкторов, раскрытие ряда алгоритмов концептуального аппарата политической семиотики и построение матрицы семиозиса по данным электронных массмедиа и многочисленных цифровых средств распространение информации.

В процессе анализа было установлено, что матричная модель новостного политического нарратива отображает динамическую схему функционирования нарративного пространства, разворачивающуюся как фрактально-рекуррентная сеть от ядерной точки – значимого новостного события. Фрактальность постулируется как механизм структурно-смысловой порождения и организации новостного политического нарратива в аспекте дискретности событийных эпизодов, генерируемых в виде вариативного повтора разнокодовых элементов сообщения. Редупликация фрактальных структур сложных когнитивных образований осуществляется благодаря модификации вербальных и невербальных экспликаций в рамках первоначально заданной модели.

Особую значимость для описания нарративной картины политической коммуникации приобрели кинестетический, акциональный и соматический коды, семиотическое содержание которых закономерно связано с категорией событийности. Знаковость таких частей тела, как *рука* и *нога*, и связанных с их функциями действий и поз с учетом культурно дистинктивной семантики в разных лингвокультурах, обусловлена потенциями максимального коммуникативно-прагматического эффекта, многоуровневости интерпретаций и перспективаций символической и реактивной перформативности.

Инновационный подход к толкованию перформативности политической коммуникации позволяет с позиции мультимодального ракурса осуществить анализ перформативного высказывания или акта как когерентного другим типам речевых и кинестетических актов феномена.

Прагмасемантическое воздействие политического нарратива обусловлено тем, что перформативность является потенциальной характеристикой любого политических события. Границы перформатива и перформанса условны и подвижны. Постулат воронки перформативности предполагает в качестве результата интерактивной коммуникации порождение реактивного перформатива или символическую перформатизацию. Новостные политические нарративы оказывают причинно-следственный перформативный эффект, результирующий эксплицитно или имплицитно.

Отдельную сферу семиотических репрезентаций в новостном политическом нарративе составили текстовые фрагменты с доминантными компонентами-хрематонимами. Векторы их экспликации в сетевой коммуникации манифестируют тенденции к лингвокреативному переосмыслению зенитно-ракетного и ядерного щита страны на основе прецедентных ресурсов, реконцептуализации, метафоризации, метафотонимизации, вторичной номинации и трансонимизации.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что новостной политический нарратив эксплицируется посредством ивентоцентричной когнитивной матрицы – интегративного семиотического комплекса, обладающего перформативный эффектом, а поликодовый арсенал порождения новостного политического нарратива обеспечивает синергетическую целостность содержания и его реализации по принципу когерентности и аддитивности получила полное подтверждение в результате комплексного анализа на материале российского новостного политического нарратива.

Что касается **перспективного** ракурса диссертационного изыскания, синтезировавшего теоретические и практические разработки по построению и толкованию новостного политического нарратива в семиотическом и лингвопрагматическом аспектах, отметим, что направления дальнейшего развития избранной темы исследования включают сопоставительное описание механизмов построения новостных политических нарративов, сгенерированных на основе общего инфоповада, и экспериментальное изучении глубины и векторов интерпретации декодированных смыслов поликодового нарративного текста в контексте интериоризированной и экстериоризированной перформатизации как реактивного импульса перспективирующей деятельности получателей.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Шаипова, А. М. Межпрецедентное семиотическое пространство, или, Когда гремят пушки, музы не молчат / Т.Ю.Тамерьян, А.М.Шаипова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – №4. – С. 145–166. (1.6 / 0,8 п.л.).

2. Шаипова, А.М. Семиозис языкового знака в новостном дискурсе / А.М.Шаипова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 32 (54). – С. 575–578. (0.5 п.л.).

3. Шаипова, А. М. Политический нарратив: концепции, типологии и структуры / Т.Ю.Тамерьян, А.М.Шаипова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – №1. – С. 16–35. (1.8 / 0.9 п.л.).

4. Шаипова, А.М. Педулярные соматизмы в новостном политическом нарративе / А.М.Шаипова. – Текст: непосредственный // Казанская наука. – 2024. – № 9. – С. 341–344. (0,8 п.л.).

5. Шаипова, А.М. Семиотика мануальной соматики в политическом новостном нарративе / Т. Ю. Тамерьян, А. М. Шаипова – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5 (107). – С. 166–177. (1,0 / 0,5 п.л.).

6. Шаипова, А.М. Культурно-семиотический подход к анализу новостного политического нарратива / Т. Ю. Тамерьян, А. М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки – 2024. – 11(892). – С. 105–111. (1,0 / 0,5 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

7. Шаипова А.М. Аксиологическая прагматика новостных сообщений / Т. Ю. Тамерьян, Б. У. Фарниева, А. М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2022. – Выпуск 16. – С. 234–238. (0,6 / 0,2 п.л.).

8. Шаипова, А.М. Дискурс военного конфликта: оценочно-метафорическое поле «свой-чужие» / Т. Ю. Тамерьян, А. М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация. Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции (Симферополь, 25–26 ноября 2022 г.). – Симферополь: КФУ, 2022. – С. 202–206. (0,5 п.л.).

9. Шаипова, А.М. Невербальный код политической коммуникации / А. М. Шаипова. – Текст: непосредственный // Материалы IV международной научно-практической конференции «Слово о слове: исследования молодых ученых-филологов» (Астрахань, 4 апреля 2024 г.). – Астрахань: АГУ, 2024. – С. 54 –56. (0,4 п.л.).

10. Шаипова, А. М. Мультиmodalная метафора в политическом нарративе / А. М. Шаипова – Текст: непосредственный // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Материалы V международной научной конференции: сборник научных трудов (Москва, 12 сентября 2024 г.). – Москва: МГУ, 2024. – № 5. – С. 217–220. (0,5 п.л.).

Публикуется в авторской редакции. Подписано в печать 27.03.2025.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Уч.-изд. л. 1,75. Тираж 100. Заказ № 2051.
Отпечатано в ООО НПКП «Мавр», 362002, г. Владикавказ,
ул. Августовских событий, 8, тел. 8-918-706-55-11, tip_mavr@mail.ru